

УДК 338.3 + 314.72

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ ГОРОДОВ РОССИИ: ВНУТРЕННИЕ МИГРАЦИИ И ДИВЕРСИФИКАЦИЯ РЕСУРСОВ

Мартьянов Виктор Сергеевич,

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
Ученый секретарь, кандидат политических наук, доцент,
г. Екатеринбург, Россия.
e-mail: martianovy@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматривается смена ведущих факторов развития северных городов России в ситуации открытой экономики. В условиях свертывания советской модели форсированной индустриализации и территориально-отраслевого планирования на фоне глобализации повышается потенциал внеэкономических условий развития региональных сетей российских городов. В статье анализируется ряд таких факторов, связанных с диверсификацией ресурсов северных моногородов и целенаправленным повышением уровня межрегиональной мобильности населения. Доказывается, что существенное влияние на развитие северных городов оказывают личные стратегии участников трудового миграционного оборота, которые принципиально отличаются от привычных внутрироссийских направлений «вынужденной» миграции.

Ключевые слова:

северный город, моногород, советская урбанизация, городское планирование, мобильность населения, внутренняя миграция, диверсификация ресурсов.

Возможности и перспективы дальнейшего развития современного человечества все больше определяются особенностями городского образа жизни. В 2009 году была пройдена символическая черта – больше 50% людей на планете стали жить в городах. В 2050 доля горожан вырастет до двух третей человечества [14]. Фактически определяющим фактором современности является мировой переход от аграрного образа жизни к жизни в городах. И нынешние проблемы городского развития во многом объясняются предисторией городов. Эволюция городской цивилизации прошла несколько этапов развития.

Самые древние города развивались на побережье морей и вдоль рек, являвшихся главными торговыми и транспортными артериями древнего мира [6]. Таковы, например, крупные исторические города вдоль Волги – Нижний Новгород, Казань, Волгоград, Самара, Саратов, Астрахань. Представителем северных городов такого типа, например, является Обдорск, основанный на Оби и позже переименованный в Салехард. Следующее поколение крупных современных городов бурно развивалось уже вдоль железнодорожных магистралей – Екатеринбург, Челябинск, Новосибирск, Красноярск, Хабаровск и др. [5].

В советский период Россия на протяжении жизни одного поколения совершила стремительную урбанизацию. Если в начале XX века доля городского населения на территории нынешней России составляла 10%, то в начале XXI века она увеличилась до 73,1%, а к 2050 году по реалистическим прогнозам возрастет до 82,6% [14]. В России на начало 2010 года согласно данным Росстата насчитывалось 1099 городов, из них 11 миллионников, 24 города с населением свыше полумиллиона и 129 городов-стотысячников. Особенности советского экономического планирования привели к тому, что около 350 российских городов (треть) могут считаться моногородами (более 25% населения которых работает на градообразующем предприятии, либо цепочке взаимосвязанных производств), что обуславливает их уязвимость в открытой экономике. Смена советской модели форсированного развития в закрытой плановой экономике, реконфигурация транспортных потоков, убыточность градообразующих производств, снижение цен на энергоресурсы привели к спаду экономической активности и оттоку населения из многих северных городов, переживших в 1990-е годы затяжную рецессию.

Однако экономика депрессивных регионов и городов часто бывает обманчива. Сами по себе официальные цифры не могут быть основанием для принятия политических решений, так как часто представляют собой лишь вершину скрытой от внимания далекого наблюдателя и вполне успешно функционирующей неформальной, теневой экономики или отходнического промысла. Причем доходы от них могут быть сопоставимы или даже превосходить те официальные зарплаты, которые давал, например, закрытый градообразующий завод или любое иное обанкротившееся предприятие с массовой занятостью, чья продукция перестала пользоваться спросом [1]. Подобные события могут быть стимулом для слома индивидуального стереотипа, повышению горизонтальной мобильности и переориентации людей на новые, часто более прибыльные сферы деятельности.

Динамика изменений северных городов в постсоветский период двояка и неоднозначна.

С одной стороны, можно наблюдать такие экономические преимущества северных городов как повышенное качество человеческого капитала, высокая доля отраслей, производящих продукцию на экспорт и опирающихся на собственные ресурсы, высокая производительность. С другой стороны, обеспеченность ресурсами компенсируется относительно слабой (по мировым, но не российским меркам) институциональной средой, доминированием корпоративных интересов, общей дороговизной труда и производства, а также эффектом «голландской болезни», лишаящей стимулов к совершенствованию институтов и технологий. При этом уже более полувека мир периодически пугают апокалиптическими прогнозами об исчерпании минерально-сырьевой базы, в особенности углеводородов. В связи с этим рисуются картины быстрого людского оскудения и упадка северных российских городов. Однако углеводороды неизменно остаются в основании энергетической пирамиды современной экономики, несмотря на постоянную разработку альтернативных источников энергии, а северные города в долгосрочной прогностике являются эффективным элементом российской экономики и весьма привлекательной частью общероссийского рынка труда с постоянным спросом на квалифицированные кадры и достойной оплатой труда. Более того, разведанные запасы нефти и газа в последние годы в России растут быстрее, чем нефте- и газодобыча. В мире постоянно совершенствуются технологии добычи углеводородов, в неприкосновенном запасе остается освоение арктического шельфа, под которым находятся крупнейшие российские месторождения.

В результате северные города предстают как привлекательная цель для внутренних трудовых миграций для всей российской и постсоветской периферии. Люди отдают этим городам лучшие годы жизни, энергию творческого созидания, реализуют свои карьерные устремления и амбиции, создают плацдарм для «жизни после Севера», которая, как правило, является не возвратом на периферию, но связана с переездом в более крупные российские города: «Если следовать западным моделям оценки социального капитала,

то именно Север следовало бы признать важнейшей «кузницей» социальных сетей России – при том что именно социальные сети считаются экономистами одним из мощнейших ресурсов распространения инноваций в современном мире. Развивая эту мысль, можно было бы рассматривать «прокачку» человеческого ресурса через Север как элемент повышения конкурентоспособности России» [2]. В этом отличие северных сетей городов от более привычных вынужденных трендов российской мобильности по линиям периферия-центр и Восток-Запад основной причиной которых является схлопывание региональных рынков труда и его географическое расслоение.

Внутренние миграции: «слепое пятно» российской экономической политики

Действительно, северные города, особенно те из них, которых появились на карте лишь 30–50 лет назад, развиваются, прежде всего, благодаря миграционному притоку, а не собственной исторической демографии [4]. Причем легкость миграции в эти города компенсируется при изменении привлекательности входных условий столь же быстрым оттоком населения. Это усугубляется отсутствием сбалансированной стратегии северной миграции. Когда на смену советской экспансии и индустриализации Севера, подкрепленным высокими зарплатами и различными социальными льготами, приходит кризис моногородов (особенно угледобывающих), сопровождаемый резким оттоком населения, что усугубляет положение региона. В результате начинает превалировать радикальная мысль о бесперспективности северных городов как таковых, являющихся порождением советской индустриальной модели. К тому же непонятно, почему люди, ехавшие на Север добровольно должны в настоящее время пользоваться государственными привилегиями и преимуществом на рынке труда других регионов? Кроме того, большинство российских регионов после Севера вовсе не являются привлекательным рынком труда. А потенциальное создание новых рабочих мест специально «под северян» усиливает межрегиональное неравенство.

В условиях открытой экономики межрегиональная миграция на рынке труда и облегчение мобильности населения играют постоянно возрастающую роль в оптимизации распределения занятости внутри страны, позволяющей рассматривать ее как драйвер экономического роста. Тем не менее, в недавно представленной общественности Стратегии-2020 (она сменила дискредитированную в результате мирового экономического кризиса Концепцию-2020 [3]) ее разработчики озабочены исключительно необходимостью притока мигрантов из-за рубежа. Этот приток обосновывается как неизбежный, закладываются бюджетные средства на адаптацию мигрантов. Хотя при этом признается, что они в своей массе уступают по своему человеческому капиталу россиянам [12]. Достаточно указать лишь на тот факт, что миграционный прирост в России согласно данным Росстата в постсоветский период ни разу не превышал 0,4% в год, а в 2011 году составил 0,2% [11, с. 75].

Видимо даже спустя четверть века после падения СССР, распространен миф, что на пространстве СНГ осталось много русских, которых можно привлечь в Россию. Однако, мифических миллионов русских в странах СНГ, которые могут приехать в Россию и улучшить демографию просто не существует. Россия фактически исчерпала лимит русскоязычных иммигрантов из стран СНГ, вынужденных переселиться в Россию. Те, кто хотел – давно уехал, остальные адаптировались. Ресурс эффективной, то есть культурно и по языку близкой иммиграции из стран СНГ для сокращения естественной убыли населения составил около 5–7 миллионов человек в 1990-х – начале 2000-х гг., и в настоящее время является для России исчерпанным. В последние годы разговоров о засилье мигрантов все больше, но сам поток приезжающих в Россию становится слабее. Парадокс в том, что в 1980-е годы в РСФСР из остальной части СССР въезжало в разы больше людей, чем сейчас, когда Россия и бывшие союзные республики разделены государственными границами. Кроме того, в глобальном плане развитие технологий транснационального аутсорсинга способствует снижению выгод от географического перемещения физических носителей

труда. Гораздо менее затратным и мобильным оказывается пространственный перевод производственных инфраструктур и капитала в другие мировые регионы.

На самом деле, сейчас гораздо большее экономическое и политическое значение для России имеет мобильность собственного населения внутри страны, чем международная миграция. Внутренняя миграция имеет особое значение для успешного функционирования сетей крупных городов, образующих в рамках естественной центр-периферийной модели модернизационное ядро экономики страны. Ежегодно в России меняют место жительства около 3–4 млн. человек, что на порядок больше числа мигрантов, приезжающих в страну извне. Например, в 2011 году согласно Росстату в России поменяли место жительства 3,06 миллиона человек, что в 1,5 раза больше, чем в 2010, в то время как официальная международная миграция в страну составила только 365,5 тысяч человек [11, с. 121–122]. Возможности для России связанные с получением образования или переездами в поисках новой работы собственных граждан не менее важны, чем тонкий ручеек международной миграции. Нынешнее государство не хочет замечать трудностей, а тем более активно способствовать повышению мобильности населения и облегчению внутренней миграции (село-город, регион-регион, Восток-Запад, Север-Юг) в самой большой в мире стране. В этом смысле российское население остается одним из самых инертных, массовая модернизационная мобильность периода СССР постепенно затихала на фоне экономической стагнации. Граждане реже меняют место жительства, уменьшается число людей хоть раз в жизни бывавших не только в Москве или Санкт-Петербурге, но даже за пределами своего географического региона. В частности доля никогда не переезжавших людей в 1979 г. составляла 46,1%, в 1989 г. – 49,3%, в 2002 г. – 55,8% [7, с. 154]. Данное падение одной из ключевых причин имеет исчерпание потоков сельской миграции в города, которое произошло еще в позднесоветский период, но не является единственной его причиной. Серьезное влияние на снижение внутренних миграций оказало продолжитель-

ное падение уровня жизни в результате распада СССР, когда большинство населения в условиях шоковых реформ имело в своем распоряжении лишь стратегии выживания, а не развития.

Однако, по данным всероссийской переписи 2010 года в России в 2000-е годы вновь наблюдается подъем внутренних миграций, связанный с тем, что значительное количество людей смогло вырваться из «ловушки бедности», препятствующей переезду на другое место жительства: в 2003–2010 гг. в сравнении с 1996–2002 гг. поток внутренних мигрантов вырос в 1,7 раза [8]. И этот рост наблюдается вопреки отсутствию практических механизмов поддержки мобильности трудовых ресурсов на внутреннем рынке, утраченных в постсоветский период. Внутренние миграции фактически отданы на откуп мифическому саморегулированию национального рынка труда, что в итоге привело к нарастанию региональных экономико-демографических дисбалансов – дальнейшему ресурсному оскудению депрессивных регионов и критической перенаселенности экономически активных, например, Москвы и ряда других городов миллионников.

В отсутствии целенаправленного регулирования в стране преобладают инерционные механизмы вынужденной миграции. Это не активные передвижения представителей растущего среднего класса, связанные с наличием у них соответствующих ресурсов и свободы выбора, а скорее невольное бегство от отсутствия перспектив и экономической активности в нынешней географии проживания. Эти процессы обусловлены сокращением местного рынка труда и возможностей улучшения и так низкого качества жизни. Ибо альтернативой вынужденной миграции наиболее часто является лишь социальная деградация, низкие доходы, ухудшение перспектив для себя и детей. Люди, меняющие место жительства внутри страны, выпадают из фокуса государственной политики. Все госпрограммы по поддержке трудовой миграции для освоения просторов «оголенного» и обезлюдившего Дальнего Востока, который занимает почти половину территории страны, но где проживают лишь 13 миллионов человек, по сути, оказались симуляцией государственной

поддержки. Имеющиеся программы переселений оказались непрозрачны и неэффективны, как и государственные службы трудоустройства, едва ли не единственной целью которых является улучшение статистики безработицы, но вовсе не эффективная помощь нуждающимся в новой работе.

Тем не менее, миграционные потоки имеют волнообразную природу, определяясь многими факторами. Представляется, что рост внутренней миграции в последние годы не в последнюю очередь связан с последствиями мирового экономического кризиса, принудившего ставших «лишними» людей искать лучшей доли в других регионах страны. Представляется, что комплексное изменение мер поддержки географической мобильности людей внутри страны способно если не в полной, то в значительной мере исключить потребность отечественной экономики в притоке трудовых ресурсов из других стран. Попутно исключив связанные проблемы адаптации мигрантов к российским культурным нормам и стандартам жизнедеятельности.

Сделать миграцию драйвером экономики можно лишь преодолев сложившиеся в стране миграционные тренды, работающие на снижение эффективности освоения российских пространств, закрепление географического расслоения и исторической неодновременности регионов. Основными направлениями внутренних миграций в России является а) отток населения с все более пустынного Дальнего Востока в европейскую часть страны, б) стягивание населения из сельской местности и малых городов в сеть крупных мегаполисов, в) миграция из демографически избыточных, но экономически неразвитых регионов Северного Кавказа. Данные тренды соответственно фиксируют а) обезлюживание Дальнего Востока с последующей потерей над ним фактического суверенитета; б) обезлюднение, недофинансирование и свертывание эффективного пространства экономического освоения в сельской местности и малых городах; в) сохранение системы федерального дотирования, тотальной коррупции и неразвития регионов с традиционалистской культурой.

Фактически речь идет о росте зависимости качества жизни и жизненных перспектив людей

от конкретной территории проживания, о радикализации экономико-географического неравенства в постсоветский период. Это неравенство в постсоветской России не сокращается, будучи постоянным генератором социальной напряженности и разного рода культурных дисбалансов [10]. Экономическое неравенство отдельных регионов России сопоставимо с неравенством постиндустриальных и слаборазвитых стран. Межрегиональные разрывы в средних доходах на душу населения достигают 5–6 раз. Например, если в Москве среднемесячные доходы на душу населения в 2011 году составили по данным Росстата 47,3 тыс. руб., а в Ханты-Мансийском АО – 32,5 тыс. руб., то во Владимирской и Ивановской областях лишь 14,3 и 13 тыс. руб. на душу населения, а в Республике Ингушетия и Калмыкии – соответственно 11,5 и 8,8 тыс. руб. [9]. Кстати, озвученная Президентом РФ стратегия повышения зарплат ряда бюджетников в привязке к средним зарплатам по региону, а не по стране лишь фиксирует сохранение подобного неравенства со всеми вытекающими из него негативными следствиями [13].

Как показывает статистика, глобального роста миграционных потоков в современном мире и в России, который не стоит путать с увеличением объемов международного туризма, не наблюдается. Существует лишь болезненная реакция населения и политиков на изменения направлений этих потоков, которые теперь текут от бывших колоний к метрополиям. Естественно, с точки зрения принимающих развитых обществ эта трансформация видится как кризис, способный ухудшить достигнутый ранее уровень жизни собственных граждан, которым приходится конкурировать с мигрантами на собственном рынке труда «на понижение». Во многом аналогична ситуация и на уровне внутристрановой мобильности населения, особенно в свете указанных выше межрегиональных контрастов.

Следует учесть, что в труде приезжих заинтересованы, прежде всего, работодатели и владельцы средств производства. Если рынок труда имеет трудовые ниши для мигрантов, их ничто не остановит. Миграционные потоки в России все более включены в более глобальные передвижения людей в мире, являясь их органиче-

ской частью. Люди имеют естественное право свободно передвигаться по миру или внутри своей страны в поисках работы, которой нет дома именно потому, что экономического процветания на родине или в регионе почему-то не наступает, а за ту же работу платят в 5–10 раз меньше, чем других странах или регионах. Однако гораздо эффективней планов привлечения бывших соотечественников и международных мигрантов является вложение бюджетных средств во внутренние резервы российского населения – поддержка мобильности населения, стимуляция рождаемости, строительство жилья, создание свободных экономических зон.

На этом фоне важным исключением является высокая трудовая миграция в северных городах, имеющая не вынужденный, а осмысленный и целенаправленный характер. Люди едут на Север для самореализации и повышения индивидуальной капитализации, но не планируют оставаться там всю жизнь. Возникает своеобразная модель циркулирующей миграции, когда на смену одним поколениям постоянно приезжают другие. Постоянное обновление и конкуренция кадров способствует более интенсивному развитию в сравнении с оседлыми, устойчивыми регионами с низкой ротацией населения. Подобная модель способствует быстрой апробации различных социальных инноваций в экстремальных условиях Севера.

Что делать?

Советские индустриальные мегаполисы, составляющие основную часть национальной платформы городов, по своей сути застраивались как цепочки связанных производств при железной дороге или даже конкретных месторождений в системе закрытой плановой экономики в рамках территориально-отраслевого планирования. Другие направления их развития игнорировались. Малые города и сельская местность фактически превратились в донора миграции для более развитых крупных городов. Однако любое развитие современных государств, взятое в своем территориальном измерении, успешно лишь тогда, когда осуществляется равномерно и затрагивает большинство населения, запуская механизмы кооперации разных территорий,

видов поселений и создания производственных цепочек полного цикла.

Эффективное развитие северных городов прямо связано с высоким миграционным оборотом населения, как приезжающего на Север, так и мигрирующего в другие регионы России. Люди изначально выстраивают короткие и вместе с тем интенсивные жизненные стратегии для Севера, связанные с построением карьеры и укреплением благосостояния на наиболее перспективном этапе своей жизни. Они считают северные города хотя и важным для своего трудового пути, но все же транзитным местом своего пребывания. Подобная стратегия, как ни парадоксально, оборачивается для северных городов рядом реальных преимуществ. Обеспечение значительного миграционного оборота поддерживает высокий человеческий капитал северных городов, быстрое восприятие нового опыта, повышенную достижительность и нацеленность на профессиональную самореализацию индивидуальных жизненных стратегий северян. При этом небольшие размеры северных городских сообществ позволяют достаточно быстро корректировать обратные связи и результаты любых нововведений.

При этом долгосрочные интересы городского сообщества должны превалировать над сиюминутными прибылями корпораций и частных сообществ. Когда, например, точечная застройка в центре города порождает множество нерешаемых проблем для городского сообщества в целом. Добиться этого можно лишь с помощью широкого вовлечения жителей города в механизмы самоуправления. В противном случае положительный кумулятивный эффект для пространственного развития северных городов достигнут не будет, превратившись в очередные бумажно-бюрократические инновации. Соучастие заинтересованных групп граждан и бизнеса в развитии города снижает общий уровень социального напряжения, дает возможность в конструктивных формах выразить более многомерное видение вариантов развития, а также разрешать конфликтные ситуации, заручившись общественной поддержкой.

Соответственно, местное самоуправление и отдельные города нуждаются в увеличении полномочий и свобод в области своей налого-

вой политики и распоряжения ресурсами, что позволит им более эффективно и быстро решать текущие проблемы жизнеобеспечения населения, не вступая в непростое взаимодействие с региональными и федеральными властями и крупными корпорациями в качестве лоббиста и просителя. Более того, крупные города можно рассматривать как локомотивы развития и более эффективных получателей прямых федеральных субсидий, чем субъекты Российской Федерации в целом. Северным городам необходим автономный бюджет города, позволяющий освободиться от роли заложника градообразующего предприятия или отрасли. Это может быть, например, городской инвестиционный фонд, создаваемый на местные налоги и инвестирующий в эффективную диверсификацию города. Наконец, пространственное освоение мигрантами российского севера предполагает усиление транспортно-коммуникационных узлов на базе ведущих городов. Стратегическое направление развития городских ресурсов связано с функциональной диверсификацией северных монопрофильных городов, развитием в них логистической, образовательной, инновационной инфраструктуры.

1. Глазычев В. Что должно умереть, то умирает [Электронный ресурс] / В. Глазычев. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/5/chtodolzno-umeret-to-umiraet> (дата обращения: 10.10.2013 г.).
2. Замятина Н., Яшунский А. «Севера» как зона роста российской провинции [Электронный ресурс] / Замятина Н., Яшунский А. URL: http://www.strana-oz.ru/2012/5/severa-kak-zona-rosta-rossiyskoy-provincii#_ftn1 (дата обращения: 10.10.2013 г.).
3. Концепция-2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf> (дата обращения: 10.10.2013 г.).
4. Мартыанов В.С. Стратегия городского развития в Арктическом регионе России [Текст] / Мартыанов В.С. // ЭКО. – 2013. – № 5. – С. 125–137.
5. Мартыанов В.С., Руденко В.Н. Российские мегаполисы: от индустриальных городов к стратегии многофункциональных агломераций [Текст] / Мартыанов В.С., Руденко В.Н. // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2012. – Вып. 12. – С. 314–330.
6. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки [Текст] / Мечников Л.И. М.: Пангея. 1995.
7. Мкртчян Н.В. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа [Текст] / Мкртчян Н.В. // SPERO. – 2009. – № 1. – С. 154.
8. Официальный сайт Росстата. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol8/pub-08.01.xlsx (дата обращения: 10.10.2013 г.).
9. Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/tab11.xlsx (дата обращения: 10.10.2013 г.).

monitor/tab11.xlsx (дата обращения: 10.10.2013 г.).

10. Панкевич Н.В. Диспропорции регионального развития РФ: проблема без решения? [Текст] / Панкевич Н.В. // Политическая наука. – 2009. – № 2. – С. 35–49.
11. Российский статистический ежегодник [Текст]. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012.
12. Стратегия-2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf> (дата обращения: 10.10.2013 г.).
13. Указ Президента Российской Федерации «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» от 7 мая 2012 года № 597 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/soc-polit-dok.html> (дата обращения: 10.10.2013 г.).
14. World Urbanization Prospects. The 2009 Revision [Электронный ресурс]. URL: <http://esa.un.org/unpd/wup/index.htm> (дата обращения: 10.10.2013 г.).
1. Glazychev V. Chto dolzhno umeret', to umiraet [E'lektronnyj resurs] / V. Glazychev. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/5/chtodolzno-umeret-to-umiraet> (дата обращения: 10.10.2013 г.).
2. Zamyatina N., Yashunskij A. «Severa» kak zona rosta rossijskoj provincii [E'lektronnyj resurs] / Zamyatina N., Yashunskij A. URL: http://www.strana-oz.ru/2012/5/severa-kak-zona-rosta-rossiyskoy-provincii#_ftn1 (дата обращения: 10.10.2013 г.).
3. Koncepciya-2020 [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf> (дата обращения: 10.10.2013 г.).
4. Mart'yanov V.S. Strategiya gorodskogo razvitiya v Arkticheskom regione Rossii [Tekst] / Mart'yanov V.S. // E'KO. – 2013. – № 5. – С. 125–137.
5. Mart'yanov V.S., Rudenko V.N. Rossijskie megapolisy: ot industrial'nyx gorodov k strategii mnogofunkcional'nyx aglomeracij [Tekst] / Mart'yanov V.S., Rudenko V.N. // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. – 2012. – Vyp. 12. – С. 314–330.
6. Mechnikov L.I. Civilizaciya i velikie istoricheskie reki [Tekst] / Mechnikov L.I. M.: Pangeya. 1995.
7. Mkrtchyan N.V. Migracionnaya mobil'nost' v Rossii: ocenki i problemy analiza [Tekst] / Mkrtchyan N.V. // SPERO. – 2009. – № 1. – С. 154.
8. Oficial'nyj sayt Rosstata. [E'lektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol8/pub-08.01.xlsx (дата обращения: 10.10.2013 г.).
9. Oficial'nyj sayt Rosstata [E'lektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/tab11.xlsx (дата обращения: 10.10.2013 г.).
10. Pankevich N.V. Disproporcii regional'nogo razvitiya RF: problema bez resheniya? [Tekst] / Pankevich N.V. // Politicheskaya nauka. – 2009. – № 2. – С. 35–49.
11. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik [Tekst]. 2012: Stat. sb. / Rosstat. M., 2012.
12. Strategiya-2020 [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf> (дата обращения: 10.10.2013 г.).
13. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii «O meropriyatiyax po realizacii gosudarstvennoj social'noj politiki» ot 7 maya 2012 goda № 597 [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/soc-polit-dok.html> (дата обращения: 10.10.2013 г.).
14. World Urbanization Prospects. The 2009 Revision [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://esa.un.org/unpd/wup/index.htm> (дата обращения: 10.10.2013 г.).

UDC 338.3 + 314.72

TRANSFORMATION OF THE DEVELOPMENT FACTORS OF THE RUSSIAN NORTHERN CITIES: INTERNAL MIGRATION AND RESOURCES DIVERSIFICATION

Martianov Victor Sergeevich

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Sciences,
PhD, Academic secretary,
E-mail: martianovy@rambler.ru

Annotation

Transformation of the development factors of the Russian northern cities: internal migration and resources diversification.

The article discusses the change of the determinants of development in the Russian northern cities in the situation of the open economy. Due to stagnation of the soviet model of industrialization and territorial-economic planning the impact of extra-economic factors of the development of the Russian urban network is growing. The article studies a range of such factors connected with resources diversification of the northern mono-cities and increase in inter-regional migration. It is proposed that the quality of migration turnout impacts greatly the dynamics of the northern cities development.

Key words:

northern city, mono-city, soviet urbanization, city planning, people mobility, internal migration, resources diversification.
